

Пробуждение

Сияние всё больше заливало аудиториум церкви. Оно появилось, когда пастор вышел к кафедре и стал молиться перед началом собрания. Сперва будто воздух в помещении легонько так колыхнулся, будто слабый ветерок пробежался по рядам. Везде, где ветерок проходил, оставалось прозрачное свечение. Оно поблескивало маленькими искорками и со временем начинало золотиться, окрашивая окружающую среду в тёплый оттенок вечного лета.

После молитвы хор пел «Бог Святой», вокальная группа с оркестром превратили обычно минорную «У креста» в самый настоящий праздник. К тому времени сияние наполнило почти весь зал прозрачным искристым туманом, необычным, кристально-чистым туманом, который преломлял всполохи кружащихся искр и только усиливал их свечение. Искры медленно поднимались вверх и исчезали сквозь потолок, но на их месте появлялись другие искры, ещё в большем количестве, и в свою очередь начинали путь в небо.

Полчаса славословия перешли в молитву и пастор снова вышел за кафедру. В простой молитве, искреннее которой я, кажется, никогда не слышал, он обратился к своему Небесному Отцу. Он просил у Бога принять жертву хвалы, благодарил Его за прощение грехов и дар вечной жизни. Голос пастора звучал по-сыновьи доверчиво, без единой нотки сомнения. Сияние окружало его, когда он начал молиться, но при словах «наполни детей Своих Духом Твоим Святым» светящиеся лучи, пробивая крышу откуда-то сверху, стали один за другим пронизывать его тело. Искристыми лентами они струились сквозь молящегося христианина, словно лучи солнца, пробившиеся сквозь плотную завесу дождевых туч, и обволакивали его волнующимся коконом света.

С трудом оторвав взгляд от пастора, я посмотрел в зал. Склонившихся в молитве людей окутывали такие же коконы. Их тела, будто хрустальные сосуды, наполнялись чем-то небесным, солнечным, святым.

Краешком глаза я заметил темное пятно и повернул голову, чтобы лучше разглядеть его. Это был человек средних лет, сидевший на соседней лавке, молившийся как и все вокруг, но разительно отличавшийся от остальных. Он не светился. Бесплотные ленты света устремлялись к нему и останавливались, не достигнув его, не в состоянии пробить какой-то невидимый барьер. Казалось, будто вместо светящегося кокона человека окружал сгусток пустоты. Среди сияющего света человек будто был в тени. И всё же лицо его ничем не отличалось от лиц окружающих его прихожан — та же улыбка на шепчущих губах, те же подрагивающие веки прикрытых в молитве глаз, то же умиротворенное дыхание. Отсутствовало только всеприсутствующее сияние.

Продолжая удивляться этому явлению, я обвёл взглядом зал. То тут, то там я замечал тёмные пятна. Оглядываться я не стал, но в рядах перед собой до окончания молитвы насчитал их больше десятка.

Проповедь была обычной, о спасении, о вечной жизни, о радости спасения. Я слышал всё это десятки раз и уже привык к тому тревожному чувству, всегда появляющемуся во время подобных проповедей. Хорошая проповедь должна вызывать мурашки по коже. Я ходил в церковь с детства и считал эмоциональную реакцию неотъемлемой частью

христианского опыта. Нельзя петь гимны и не улыбаться, нельзя не прослезиться, слушая свидетельства о чудесах Божьих. Если ты не чувствуешь, ты не настоящий христианин.

Сегодня тревожное чувство, как всегда, появилось, чтобы поддержать мои убеждения. Я попытался довериться чувству и, расслабившись, впитывать в себя красноречие, лившееся потоком с кафедры. Однако давешнее чувство тревоги не утихало, и против обыкновения я стал чувствовать себя неуютно. Я не мог сконцентрироваться на проповеди, мысли постоянно возвращались к сиянию и к тёмным пустотам вокруг членов моей церкви. Я то и дело поглядывал на них и в особенности на человека, сидевшего наиболее близко ко мне. Наверное он заметил это, так как тоже глянул в мою сторону. Улыбка тотчас исчезла с его лица, и он поспешил перевести взгляд назад на проповедника. Что это было? Застенчивость? Испуг?

В раздумьях я опустил глаза на ладони, которые всегда во время проповеди держал на животе, переплетя пальцы, — этим я придавал своей позе элемент внимания. Мои розовые ладони были серыми, более того, мертвенно-серыми, совершенно лишенными краски и, казалось, самой жизни в окружающем меня золотистом мерцании. Рукава белой рубашки наталкивали на мысль о саване, темно-коричневые брюки с искоркой выглядели матово-черными. Я был мёртвой черно-белой фотографией из 50-х годов, неизвестно как затесавшейся в цветной фотоальбом 21-го века. По спине прошёл холодок, и я осознал, что весь дрожу.

Мне захотелось вскочить и выбежать из помещения на улицу. Нет, вскочить и направиться прямиком к кафедре. Нет, скорее и того, и другого сразу, каждого наполовину. Смутно в уме закипала мысль, что это не должно происходить со мной, ведь я же верующий, а не какой-нибудь грешник с улицы. Мысль обретала форму, смысловые обрывки складывались в логичные фразы, ужас понемногу уходил. Я глубоко вздохнул, стараясь сделать это как можно тише, чтобы не привлекать к себе внимания. Помедлил, затем снова взглянул на ладони. Серый цвет стал уже пепельным. Меня вновь пробил озноб.

Всё рушилось. Я сидел среди сотен людей, но не мог ощутить тепло, окружающее их. Не был освещен чудесным светом. В теле Христа я уподобился колючке, занозе, чему-то совершенно инородному, чуждому, ищущему части общего и не находящему её. Многие годы моего «христианства» превратились в ничто. Хотелось плакать. Хотелось умереть. Хотелось... жить!

Слова проповедника, ранее приглушенные, вдруг ворвались в сознание ярким лучом света: «Встань, спящий, и воскресни из мёртвых, и осветит тебя Христос!» «Ефесеям 5-я глава» — автоматически подумал я и... проснулся.

Шея заныла от произвольного рывка головы. Я широко раскрыл глаза, часто мигая, — в зале как-будто потемнело. Ах, да! Исчезло сияние. Я посмотрел в сторону бесцветного человека и с трудом выделил его из ряда сидящих. Он сидел, теперь уже закинув ногу за ногу, и нервно тербил часы. Я взглянул на свои — собрание должно было закончиться через десять минут. С некоторым успокоением заметил естественный цвет кисти, пальцев. Подождать, когда будут делать призыв? Кожа начала сереть. Нет уж, если Бог говорит с тобой, нужно Его слушать.

Поднявшись с места, я протиснулся мимо чужих колен к проходу и направился к моему

коллеге по несчастью. Таких нас было немало, слишком много для здоровой церкви. Я послужу хотя бы ему. Он смотрел на меня знакомыми глазами, снизу вверх, не то, чтобы недоумевая, — скорее с какой-то надеждой, будто знал, что я готовился сделать. «Пойдём?» Не отвечая, он поднялся с места, продолжая глядеть мне в глаза. Затем кивнул — по его щекам текли слёзы. Полуобняв его за плечи, я сам шмыгнул носом, и мы зашагали к кафедре. Навстречу нам уже спускался пастор, оборвавший свою проповедь. В глазах у него тоже стояли слёзы, а лицо светилось золотистым, небесным сиянием.

Богдан Мычка

March 11, 2010

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/4614>

© Copyright 2026, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com